

A full-page photograph of a man standing in a snowy urban environment. He is wearing a bright yellow parka with a fur collar, a brown fur hat, and dark gloves. He has a grey beard and is looking directly at the camera. In his right hand, he holds a handgun. The background shows multi-story brick buildings and a snow-covered street. The text 'Роман Буряков' is overlaid at the top in yellow, and 'Пророк из Подольска' is overlaid at the bottom in yellow.

Роман Буряков

Пророк из
Подольска

Роман Буряков

Пророк из Подольска

«Автор»

2026

Буряков Р.

Пророк из Подольска / Р. Буряков — «Автор», 2026

Геннадий Петрович Седельников — дворник из Подольска. Однажды, поскользнувшись на льду, он бьется головой о мусорный бак и обретает странный дар — слышать «шум» будущего. Сначала мелочи: сосульки, ключи, потерянные деньги. Потом — катастрофы, которые он предотвращает. Слухи доходят до секретного Фонда, и дворник становится объектом государственной важности. Слава, деньги, отдельная комната в Москве. Но однажды дар дает сбой. Геннадий Петрович видит гибель десяти школьников на перекрестке в Подольске. Он поднимает тревогу — власти перекрывают дороги, грузовик задерживают. Наступает час икс но ничего не происходит. Прогноз не сбывается. Однако страшнее другое: его дар — не просто видение. Это рычаг, меняющий реальность. Каждое предсказание запускает цепную реакцию. Спасая одних, он обрекает других. Он не пророк. Он — переключатель судеб. Какую цену он готов заплатить за способность видеть будущее? И есть ли у него право смотреть вперед, если за каждым словом следует чья-то смерть?

© Буряков Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Метла, кепка и инсайт	5
Глава 2. Пророк на полставки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Роман Буряков

Пророк из Подольска

Глава 1. Метла, кепка и инсайт

Геннадий Петрович Седельников появился на свет пятьдесят восемь лет назад в городе Подольске, там же и планировал умереть, желательно тихо и в собственной постели, без лишнего шума. Этим планам пока ничего не угрожало, если не считать хронического радикулита, любви к дешёвой водке и работы, которая сама по себе была испытанием на прочность человеческой души.

Он работал дворником в ЖЭУ-7 уже девятнадцать лет.

Знали его в микрорайоне все. И не потому, что он был героем или скандалистом, а просто потому, что дворник в России – фигура сакральная. Ты можешь не знать имя соседа с площадки, но дворника знать обязан. Особенно зимой, когда он решает, чистить твою машину или нет, сыпать песок или соль, а главное – в каком порядке всё это делать.

Геннадий Петрович был дворником совестливым.

То есть он не лез в душу, не выпрашивал на чай, не строил из себя смотрителя вселенной. Просто брал метлу, скребок, совок и делал свою работу. Молча. У него была кепка – серая, вязаная, купленная лет десять назад на рынке. Он её носил и зимой, и осенью, и даже весной, пока было терпимо. Говорил: голова должна быть в тепле, иначе мысли замёрзнут. И хотя никто никогда не видел, чтобы он особо мыслил, спорить с ним было бессмысленно.

Жил Геннадий Петрович в однокомнатной квартире на улице Юбилейной, сорок первый дом, седьмой этаж, без лифта. Лифт в доме был, но ходили слухи, что его ещё при царе Горохе установили и с тех пор ни разу не ремонтировали. Геннадий Петрович предпочитал лестницу. Говорил: здоровье надо беречь, пока есть что беречь.

По утрам он выходил на работу в шесть тридцать.

Не потому, что так полагалось по графику, а потому что любил тишину. Когда город ещё не проснулся, когда фонари горят желтоватым светом, когда снег скрипит под ногами, а где-то далеко лает собака – в такие моменты Геннадий Петрович чувствовал себя почти счастливым. Он шаркал по тротуару, волоча за собой метлу, и думал о чём-то своём. Обычно ни о чём.

В то утро он вышел, как всегда.

Было холодно. Градусов пятнадцать ниже нуля, не больше. Снег выпал накануне, дворники с ночной смены его кое-как сдвинули, но дорожки всё равно были скользкие. Геннадий Петрович это знал, потому что чутьё у него было на погоду – не дар, а опыт. Он крикнул, поправил кепку, воткнул метлу в сугроб и пошёл к контейнерной площадке за новым скребком. Скребок старый, вчерашний, сломался ещё после обеда, а запасной он оставил в подсобке.

Подсобка у них была – бывшая трансформаторная будка. Там пахло мазутом, старыми тряпками и чем-то неуловимо съедобным, потому что Геннадий Петрович иногда прятал в ящике бутерброды. На дверях висел амбарный замок, ключ от которого хранился у него в кармане куртки вместе с зажигалкой, полтинником на хлеб и огрызком карандаша.

Он уже взялся за ручку, как вдруг услышал шаги.

– Петрович, здорово!

Геннадий Петрович обернулся. Из подворотни выходил Саня Чмых – местный маргинал, известный тем, что мог спать на морозе и не замерзать. Чмых был в старом ватнике, рваных унтах и с неизменной пластиковой бутылкой в рукаве. Бутылка, судя по цвету содержимого, содержала жидкость, отдалённо напоминающую портвейн.

– Здорово, если не шутишь, – ответил Геннадий Петрович. – Ты бы, Саня, шёл домой. Замёрзнешь.

– А я не замёрзну, – сказал Чмых. – У меня конституция специальная. Организм вырабатывает градусы.

– Организм у тебя вырабатывает только одно, и это не градусы, – беззлобно заметил Геннадий Петрович. – Иди, иди. Сегодня метель обещали.

– Кто обещал?

– Телевизор.

Чмых хмыкнул, почесал щетинистую щеку и побрёл дальше. Геннадий Петрович посмотрел ему вслед, вздохнул и открыл подсобку.

Скребок лежал на месте.

Он взял его, проверил ручку – крепкая, не развалится – и закрыл дверь. Замок щёлкнул. На часах было без пятнадцати семь. Самое время начинать.

Он работал размеренно. Сначала расчистил дорожку от подъезда к мусорным бакам. Потом пошёл к детской площадке – там всегда было сложнее, потому что качели и горки мешали, а ещё под снегом часто попадались окурки и битое стекло. Геннадий Петрович не любил битое стекло. Оно резало лопату и портило настроение.

– Седельников!

Голос раздался сверху.

Он поднял голову и увидел в окне третьего этажа голову Зинаиды Аркадьевны – пенсионерки, известной всему району своей способностью находить проблемы там, где их нет. Она любила жаловаться. На снег, на грязь, на собак, на детей, на отсутствие порядка, на наличие порядка, на всё сразу.

– Доброе утро, Зинаида Аркадьевна, – вежливо сказал Геннадий Петрович.

– Ничего не доброе! – крикнула она. – Вы почему не посыпали дорожку у моего подъезда? Я вчера чуть ногу не сломала!

– Посыпал, – спокойно ответил он. – Вчера в пять часов вечера. Потом выпал новый снег.

– А вы должны предвидеть! – возмутилась пенсионерка. – Вы должны думать!

– Я дворник, – напомнил Геннадий Петрович. – Не гидрометцентр.

– Отговорки!

Зинаида Аркадьевна захлопнула окно с такой силой, что с крыши сорвалась сосулька и воткнулась в сугроб метрах в двух от Геннадия Петровича. Он посмотрел на неё, потом на окно, вздохнул и пошёл дальше. За девятнадцать лет он привык к таким разговорам. Они были частью работы, как лопата или метла. Иногда казалось, что пенсионеры специально выходят на балконы, чтобы проконтролировать, не лежит ли он где-нибудь в сугробе без движения.

После обеда Геннадий Петрович решил сделать перерыв.

Он сел на лавочку у подъезда, достал из кармана пачку семечек и принялся щёлкать. Семечки он любил. Говорил, что они успокаивают нервы и тренируют зубы. Нижняя челюсть у него была сильная – спасибо семечкам.

Рядом пристроился Колян – его напарник, мужик лет сорока, вечно небритый и вечно недовольный. Колян работал дворником всего третий год и считал, что его недооценивают. Он курил сигарету за сигаретой и смотрел на мир с лёгкой брезгливостью.

– Слышал новость? – спросил Колян, выпуская дым в сторону неба.

– Какую? – Геннадий Петрович выплюнул шелуху.

– Начальство сказал, что будут проверять качество уборки. Приедут с линейкой.

– С какой линейкой?

– С обыкновенной. Мерить будут, сколько снега осталось.

Геннадий Петрович усмехнулся. – Пусть меряют. Я не боюсь.

– А я боюсь, – признался Колян. – У меня участок возле магазина. Там вечно народ топчется, снег как каша. Не уберёшь по-человечески.

– Надо было лучше стараться.

– Да я старался! – обиделся Колян. – Ты что, не видел?

Геннадий Петрович видел. И знал, что Колян старался, но не очень. Потому что Колян был ленив. Эту черту Геннадий Петрович недолюбливал, но вслух не говорил. Не его дело воспитывать взрослого мужика.

Они посидели ещё минут десять. Потом Геннадий Петрович встал, отряхнул куртку и сказал: – Ладно, пора. А то Зинаида Аркадьевна опять начнёт из окна ругаться.

– Она всегда ругается, – заметил Колян. – У неё такая профессия.

Геннадий Петрович взял метлу и пошёл к дальней части двора, где стояли мусорные контейнеры. Там было скользко, потому что кто-то из жильцов пролил на асфальт воду, и она замёрзла. Он это заметил, но не придал значения – мало ли в Подольске замёрзших луж.

Он подошёл к контейнеру, поднял крышку, чтобы проверить, не переполнены ли баки, и в этот момент нога его поехала.

Скользко было не просто. Скользко было так, как будто кто-то специально полил лёд маслом. Геннадий Петрович взмахнул руками, метла вылетела, кепка съехала набок, и он с размаху ударился головой о железный контейнер. Звук был звонкий, как от удара колокола. В глазах вспыхнули белые искры, потом оранжевые, потом всё смешалось в один яркий фейерверк.

Он лежал на спине, глядя в серое февральское небо, и думал: Вот и всё. Сейчас отключусь, и всё. Дожил, Геннадий Петрович. Дворник, мать его, впритык.

Но сознание не отключалось. Наоборот – стало слишком ясным.

Сначала он услышал странный звук. Не звон в ушах, нет. Что-то другое. Как будто кто-то включил приёмник и крутил ручку настройки, перескакивая между станциями. Шипение, треск, потом вдруг – чистый голос. Только это был не голос. Это было знание.

Сейчас упадёт сосулька с крыши трансформаторной будки. Через четыре секунды. С левого края. Никого не заденет.

Геннадий Петрович подскочил на ноги быстрее, чем ожидал от себя в его возрасте. Он отступил на два шага и поднял голову. Крыша будки. Левый край. Сосулька, толстая, как рука взрослого мужчины, оторвалась от желоба и рухнула в сугроб ровно в том месте, где он только что лежал.

Искры в глазах погасли.

Он моргнул.

– Ну, – сказал он вслух. – Ничего себе.

В голове снова зашипело. И снова голос – не голос, знание.

Из подъезда сейчас выйдет тётя Маша с двумя сумками. Поскользнётся на второй ступеньке, но удержится. Скажет: "Ё-моё".

Геннадий Петрович повернулся к подъезду.

Дверь открылась. Вышла тётя Маша – полная женщина в пуховом платке и с двумя авоськами, полными картошки и свёклы. Она ступила на первую ступеньку нормально. На вторую – оступилась. Взмахнула сумками, картошка едва не вылетела, но тётя Маша каким-то чудом удержала равновесие и выдохнула: – Ё-моё!

Геннадий Петрович медленно опустился на лавочку.

Он не понимал, что происходит. Ничего не болело – ни голова, ни шея, ни спина. Только странное ощущение, что внутри черепа поселился кто-то чужой. Кто-то очень умный и очень быстрый. И этот кто-то рассказывал ему, что произойдёт в следующие пять, десять, двадцать секунд.

Он сидел так минут пять.

Потом встал, нашёл метлу, надел кепку (козырьком назад, по ошибке, но не заметил) и решил продолжать работу. Может быть, это сотрясение. Или не сотрясение. Или начало деменции. Или просто он перегрелся на морозе, что само по себе абсурдно.

Он прошёл мимо детской площадки и вдруг остановился.

Через семь секунд из окна квартиры тридцать два на третьем этаже вылетит сигарета. Окурок. Упадёт прямо в лужу. Зашипит.

Геннадий Петрович задрал голову. Окно на третьем этаже – оно, да, открыто. Кто-то курит на балконе.

Семь секунд. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один.

Из окна вылетел окурок, описал дугу и шлёпнулся в лужу у самых его ног. Зашипел. Погас.

– Твою ж мать, – прошептал Геннадий Петрович.

К концу дня предсказаний набралось двадцать семь. Все сбылись. Про сосульку, про тётю Машу, про окурок, про то, что Колян выронит из кармана зажигалку (выронил), про то, что Зинаида Аркадьевна выйдет на балкон и снова начнёт кричать про снег (вышла и начала), про то, что во дворе появится белая «Лада» с неработающим глушителем (появилась, тархтела полчаса). Даже про то, что Чмых упадёт в сугроб и будет оттуда выбираться десять секунд, прежде чем встать. Всё сбылось.

Геннадий Петрович сидел в подсобке на перевёрнутом ящике, держал в руках кружку с остывшим чаем и смотрел в стену.

– Ну и как это понимать? – спросил он у стены.

Стена не ответила.

Зато в голове что-то щёлкнуло, и появилось новое знание. Но на этот раз не простое.

Через два часа в магазине "Пятёрочка" на углу будет драка. Удар бутылкой. Пострадает кассирша. У неё сегодня день рождения.

Геннадий Петрович поставил кружку. Он мог бы пойти и предупредить. Мог бы. Но кто поверит дворнику, который говорит, что у него в голове предсказания?

Он закурил. Руки дрожали.

– Господи, – сказал он. – Ты там, что ли, шутишь? Или это я спятил?

Ответа не последовало. Ни от Бога, ни от стены. Только холодный февральский ветер завывал в щелях двери, и где-то далеко лаяла овчарка – та самая, которая, как он уже знал, залает ещё два раза до полуночи. И оба раза не просто так, а потому что мимо пройдёт чужой человек в чёрной куртке. Который потом завернёт за угол и что-то уронит. Мелкое. Важное. Но об этом Геннадий Петрович узнает позже.

А пока он просто сидел и думал: дворник из Подольска, пятьдесят восемь лет, кепка набекрень, и в голове – чужой шёпот, который никогда не ошибается.

И это было только начало.

Глава 2. Пророк на полставки

Первые три дня после удара головой о мусорный контейнер Геннадий Петрович старался не обращать внимания на голос в голове. Он делал вид, что ничего не происходит. Что это просто последствия сотрясения, которые пройдут сами собой, как только он выпитися, перестанет пить дешёвую водку и начнёт есть горячее хотя бы раз в день.

Но голос не проходил.

Более того, он становился наглее. Громче. Подробнее.

Утром четвёртого дня Геннадий Петрович вышел на крыльцо, чихнул и услышал: *Через полторы минуты из машины у подъезда выйдет мужик в синей шапке. У него в кармане есть тысяча рублей. Он её потеряет, когда будет доставать ключи. Под колёсами той же машины. Ты можешь подобрать.*

Геннадий Петрович замер. Он не был вором. Никогда не брал чужого. Но тысяча рублей – это деньги. Пенсия у него была маленькая, зарплата дворника тоже. Тысяча рублей – это почти неделя нормальной еды. Или три бутылки «Финского льда», если брать по акции.

Он постоял, подумал и решил: нет. Не надо связываться.

Но любопытство пересилило.

Он сделал вид, что чистит дорожку, и бросил взгляд на припаркованную у подъезда «Шевроле». Ровно через полторы минуты из подъезда вышел мужик в синей вязаной шапке. Лицо красное, не то с мороза, не то с похмелья. Он зевнул, полез в карман куртки за ключами и вместе с ключами вытащил сложенную пополам бумажку. Тысяча рублей, новенькая, хрустящая. Бумажка выскользнула из кармана и упала прямо под переднее колесо.

Мужик ничего не заметил. Он сел в машину, завёл двигатель и уехал.

Геннадий Петрович посмотрел на тысячу рублей. Она лежала на снегу, яркая, как сигнал светофора.

– Господи, прости меня, грешного, – пробормотал он, нагнулся, поднял деньги и сунул в карман.

Сердце колотилось так, будто он ограбил банк, а не подобрал чужую купюру. Он быстро огляделся – никто не видел. Зинаида Аркадьевна не выглядывала, Колян курил за углом, тётя Маша ушла в магазин. Всё чисто.

Геннадий Петрович выдохнул и пошёл дальше. Но с этого момента он понял: дар – это не шутка. Дар – это сила. И силу эту можно использовать.

Вопрос был только: как?

На пятый день к нему подошёл Колян с сигаретой и странным выражением лица.

– Петрович, – сказал Колян, – я тут заметил одну вещь.

– Какую? – Геннадий Петрович не поднял головы, продолжая сгребать снег.

– Ты вчера сказал, что у меня зажигалка упадёт. Она упала. Позавчера сказал, что Чмых уронит бутылку. Он уронил. Ты вообще какой-то вещий стал.

– Сдуру, – буркнул Геннадий Петрович. – Много будешь знать – состаришься раньше времени.

– Да я не к тому, – Колян присел на корточки и заговорил тише. – Ты можешь что-нибудь про лотерею сказать? У меня билет есть. «Русское лото», розыгрыш в субботу. Ну, какие числа выпадут? А?

Геннадий Петрович выпрямился и посмотрел на Коляна долгим взглядом. В голове зашумело. Знание пришло мгновенно, как удар под дых.

– Не выиграешь ты, – сказал он. – У тебя билет без шанса. Там бочонок с цифрой четырнадцать не выпадет, а для выигрыша нужна именно она.

– Откуда знаешь? – опешил Колян.

– Знаю, – пожал плечами Геннадий Петрович. – Так вижу.

Колян ушёл расстроенный. А на следующий день, когда в субботу вечером показали розыгрыш по телевизору, четырнадцатый бочонок действительно не выпал. Колян позвонил Геннадию Петровичу в десятом часу вечера и сказал в трубку дрожащим голосом: – Петрович, ты это... Ты или гений, или колдун. Я к тебе теперь с любым вопросом.

– Не надо ко мне ни с какими вопросами, – ответил Геннадий Петрович и повесил трубку. Но было поздно.

Слухи расползались быстрее пожара в сухую погоду. Чмых рассказал бабкам у подъезда. Бабки рассказали другим бабкам. Те – продавщицам в «Пятёрочке». Продавщицы – своим покупателям. И уже через неделю во дворе ЖЭУ-7 начала собираться странная публика.

Первой пришла Людмила Сергеевна, бухгалтер из соседнего дома. Женщина пятидесяти двух лет с чёлкой, залитой лаком, и сумкой, набитой бумагами.

– Вы Геннадий Петрович? – спросила она, когда он откидывал снег у третьего подъезда.

– Я, – ответил он, не поднимая головы.

– Скажите, пожалуйста, мне нужно знать. Мой сын в армию собирается. Скажите, вернётся ли он живым и здоровым?

Геннадий Петрович поднял голову и посмотрел на неё. В голове что-то щёлкнуло.

Вернётся. Через полтора года. Ногу сломает, но это пустяки. Женится на медсестре.

– Вернётся, – сказал он. – Ногу сломает, но зато жену хорошую найдёт. Медсестру.

– Откуда вы знаете? – ахнула Людмила Сергеевна.

– Дворник я, – ответил Геннадий Петрович. – Всё вижу.

Людмила Сергеевна ушла в слезах счастья. А вместо неё пришли другие.

Через два дня во дворе стояла очередь.

Геннадий Петрович ещё никогда в жизни не чувствовал себя таким популярным. Подходили старушки с вопросами про здоровье. Молодые мамы – про то, пойдёт ли ребёнок в хорошую школу. Мужики из соседних гаражей – про то, кто украл аккумуляторы из их машин. Один убитый горем парень в кожаной куртке спросил, вернётся ли к нему девушка, которая ушла к его лучшему другу.

– Не вернётся, – честно сказал Геннадий Петрович. – И друг твой тоже не друг. Забудь.

Парень осунулся ещё сильнее, но кивнул и ушёл.

Колян помогал организовывать процесс. Он поставил раскладной стул для Геннадия Петровича, повесил на дверь подсобки табличку «Приём прогнозов по вопросам», написанную от руки на куске картона. Правда, слово «прогнозов» он написал с ошибкой – «прагнозов». Но это никого не смущало.

Именно в этот момент во дворе появился Димон.

Димон – парень лет двадцати пяти в растянутом свитере с оленем, джинсах с дырками на коленях и шапке с помпоном. Он вёл канал в интернете под названием «Подольск в курсе». Канал был откровенно слабый. У Димона было всего четыреста подписчиков, и половина из них – его бывшие одноклассники, которые подписались из вежливости. Он снимал всё подряд: как дворники чистят снег, как бабки кормят голубей, как в магазине закончилась гречка. Виральными эти видео не становились. Иногда их смотрело двадцать человек, иногда тридцать. Димон от этого страдал, но не бросал.

Он шёл мимо двора, когда увидел очередь.

– О, – сказал он сам себе. – Что тут происходит?

Он достал телефон, включил запись и подошёл поближе.

– Извините, – спросил он у тёти Маши, стоявшей в очереди. – А чего тут стоят?

– Как чего? – переспросила тётя Маша. – К пророку. Седельников всё знает. Спросишь – ответит. Правду режет, как по живому, но правду.

– Какой Седельников? – удивился Димон.

– Дворник наш, Геннадий Петрович. Головой ударился и прозрел. Как там это называется... ясновидящий. Ну, как Ванга, только с метлой.

Димон почувствовал, как внутри зашевелилось предчувствие контента. Он протолкался поближе и увидел Геннадия Петровича. Тот сидел на раскладном стуле, в серой кепке, с метлой в руке (он её не выпускал, говорил, что так увереннее), и слушал какую-то женщину в пуховике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.